

По просёлочной дороге, петляющей среди гор и лесов, неслись в облаке пыли всадники. Отряд солдат скакал галопом, размахивая военными знамёнами, на которых красовалось слово «слава». Возглавлял их генерал в серебряных доспехах с красивым лицом. Он держал в руке копьё, и глаза его горели боевым задором.

Это был Четвёртый принц, Цзян Юй, которому сейчас было девятнадцать лет!

Глядя на императорский город вдаль, Цзян Юй улыбнулся. Это была дерзкая, самоуверенная улыбка.

— Брат, тебе не удержаться на троне! — прошептал он про себя.

Тысяча лёгких кавалеристов в чёрных доспехах двигалась вперёд, словно неуправляемый дракон!

На их пути им попался каменный павильон у дороги. В павильоне кто-то пил. Это был глава Небесного Боевого Надзора Цзун Тяньу, который когда-то являлся величайшим мастером боевых искусств в мире.

Он поставил на стол чашу с вином, встал, вышел из каменного павильона и преградил дорогу.

Цзян Юй подъехал ближе. Увидев, что кто-то преградил ему путь, он не изменился в лице и уже хотел было проскакать мимо.

Обе стороны приближались друг к другу, но Цзун Тяньу не собирался отступать. Он спокойно смотрел на Цзян Юя.

Конь встал на дыбы, намереваясь растоптать Цзун Тяньу. Глаза Цзун Тяньу холодно блеснули, и его истинная ци вырвалась наружу, взметнувшись, словно морская волна. Поднялась пыль, и конь рухнул на землю. Цзян Юй ловко спрыгнул на землю и направил копьё на Цзун Тяньу.

— Как ты смеешь стоять на моём пути у самых стен столицы? — холодно спросил Цзян Юй.

Он был потрясён. Откуда в столице взялся такой мастер?

Его сила была невероятной. На поле боя он видел множество мастеров боевых искусств, но ни один из них не мог сравниться с этим человеком.

Тысяча лёгких кавалеристов быстро окружила Цзун Тяньу.

— Его Величество желает увидеть силу твоей кавалерии Чёрного Волка, — невозмутимо

произнёс Цзун Тяньу.

Цзян Юй нахмурился и спросил:

— Что ты хочешь этим сказать? Ты один против всех?

Цзун Тяньу поднял правую руку в приглашающем жесте и сказал:

— Глава Небесного Боевого Надзора, Цзун Тяньу.

Услышав это, Цзян Юй побледнел, а его рука, сжимавшая копьё, дрогнула.

Хотя он и был на поле боя, но за эти годы не раз слышал о мощи Небесного Боевого Надзора.

Они были могущественны!

Они были жестоки!

— Ваше Высочество, давай начнём, — продолжил Цзун Тяньу. — Неужели кавалерия Чёрного Волка, сокрушившая столько врагов на поле боя, боится меня?

Услышав это, Цзян Юй побагровел от гнева.

Да он просто напрашивается!

* * *

Был полдень, светило ласковое солнце, дул лёгкий ветерок.

Цзян Чаншэн, Цзян Юань и Цзян Юй сидели за каменным столом во дворе. Цзян Юй, лицо которого было покрыто синяками, рассказывал о битве, которая произошла три дня назад, когда тысяча воинов кавалерии Чёрного Волка потерпела поражение от одного-единственного человека.

— Это просто нелепо! Как у кого-то могут быть такие невероятные навыки? Мои братья — все как на подбор могучие воины, каждый из них может сразить десятки врагов! — возмущался он. — К тому же, этот Цзун Тяньу совершенно безжалостен. Отец, ты что, не собираешься его наказать?

Чем дольше говорил Цзян Юй, тем больше он горячился, а Цзян Юань тем временем громко

смеялся.

Эта сцена действительно напоминала семейную идиллию.

«Какая показуха», — вздохнул про себя Цзян Чаншэн.

Цзян Юань, вероятно, организовал эту встречу, чтобы успокоить свою совесть. Цзян Чаншэн знал об их истинном родстве, но он не мог же сказать, что не знает Цзян Юя.

— Брат Чаншэн, а ты сможешь победить Цзун Тянью? — спросил Цзян Юй, глядя на Цзян Чаншэна. — Проучи его как следует. Если ты это сделаешь, я выполню любое твоё желание.

— Ты серьёзно? — растерянно спросил Цзян Чаншэн.

— Конечно, я пошутил, — усмехнулся Цзян Юй. — Я бы с радостью заимел такого человека в друзьях. Пусть он и был груб со мной, но он поставил меня на место. К тому же, он — величайший мастер боевых искусств в мире. Для нашей семьи Цзян большая честь, что он согласился служить нам.

С древних времён, несмотря на смену династий, мир боевых искусств оставался неизменным. На него мог влиять императорский двор, но он не поддавался порабощению.

— Цзун Тянью действительно горд и высокомерен, — улыбнулся Цзян Юань, — но он нужен мне, чтобы привлечь на свою сторону мастеров боевых искусств. Прошло уже 21 год с момента основания Великой Цзинь, и соседние государства одно за другим признали нашу власть. Однако те государства, что находятся дальше, нам пока неподвластны. За десятки лет войн боевые искусства на наших землях пришли в упадок. Они не так процветают, как боевые искусства в отдалённых государствах. И пусть невозможно победить целое государство силами одного человека, но там есть мастера, каждый из которых стоит целой армии. Они способны сокрушить тысячи солдат и поколебать устои любой династии.

Он вздохнул. Он вспомнил о таинственном человеке, который той ночью проник во дворец. Его сила была настолько ужасающей, что он даже подумал, что Цзун Тянью не справится с ним.

— Чаншэн, — сменил он тему, — кажется, у тебя во дворе кто-то есть?

— Цзяньсинь, выходи, — произнёс Цзян Чаншэн после недолгих колебаний.

Услышав это имя, Цзян Юань удивлённо поднял брови, а Цзян Юй с любопытством посмотрел на него.

В этот момент из дома вышла Хуа Цзяньсинь.

— Брат Чаншэн, ты же даосский жрец! — воскликнул Цзян Юй, округлив глаза. — Как ты можешь прятать у себя женщину?

Цзян Чаншэн закатил глаза.

— Храм Лунци — это не совсем обычный даосский храм, — усмехнулся Цзян Юань, поглаживая бороду. — Мастер Дао Цин Сюй был основателем секты, и её можно считать скорее школой боевых искусств. Здесь нет запрета на брак и рождение детей. Правда, лучше всего вступать в брак после ухода из храма. Если Чаншэн хочет жениться, я могу издать указ, который позволит ему это сделать.

— Ваше Величество, — растерянно произнёс Цзян Чаншэн, — эта женщина — особый случай. У меня к тебе просьба.

— Говори, — усмехнулся Цзян Юань.

Хуа Цзяньсинь подошла ближе и почтительно поклонилась Цзян Юаню.

— Когда-то она служила в Белой Гвардии, — начал Цзян Чаншэн, — но была тяжело ранена Владыкой Демонов. Я спас её. Все эти годы она практиковалась в боевых искусствах вместе со мной, поэтому ей некуда возвращаться, ведь... Я надеюсь, что Ваше Величество сможет в будущем устроить её обратно в Белую Гвардию.

— Почему в будущем? — удивлённо спросил Цзян Юань.

— Я хочу ещё немного подучиться у Мастера Дао, — ответила Хуа Цзяньсинь.

— Ясно, — кивнул Цзян Юань. — Я слышал, что в те ночи ты была единственной, кто принял бой. Ты хорошо послужила мне, и я должен был наградить тебя. Когда ты решишь вернуться в Белую Гвардию, я назначу тебя командиром тысячи.

Хуа Цзяньсинь обрадовалась и поспешила поблагодарить Цзян Юаня.

Всего в Белой Гвардии было 50 000 воинов. Возглавлял их Главный Страж, а под его началом находились командиры тысячи. Командиры тысячи получали более высокое жалование, и в Белой Гвардии это звание также означало, что у тебя есть право командовать тысячей человек. Как Хуа Цзяньсинь было не радоваться такому повышению?

Цзян Чаншэн велел ей удалиться.

Они ещё немного поболтали, прежде чем Цзян Юань ушёл вместе с Цзян Юем. Перед уходом он попросил ещё пилюль. Услышав это, Цзян Юй недоверчиво уставился на него.

Так вот значит как. Выходит, его отец не оставил свои поиски бессмертия, а просто нашёл кого-то, кто будет готовить для него пилюли?

Хоть Цзян Юй и был озадачен, он не осмелился спросить об этом. Дело в том, что Цзян Юань очень не любил, когда кто-то заводил разговор о его стремлении к бессмертию. Он даже казнил немало людей за это.

После их ухода из дома снова вышла Хуа Цзяньсинь.

Она подошла к Цзян Чаншэну и с недоумением спросила:

— Мастер Дао, зачем тебе понадобилось устраивать меня обратно в Белую Гвардию?

Цзян Чаншэн сделал для неё талисман, в который заключил свою духовную силу. Этот талисман мог помочь Хуа Цзяньсинь скрывать свою ауру, однако Цзян Чаншэн велел ей не делать этого.

— Разве ты не всегда хотела служить мне? — ответил Цзян Чаншэн, беря в руки чашку с чаем.
— Как насчёт того, чтобы стать моими глазами и ушами в Белой Гвардии?

Хуа Цзяньсинь остолбенела. Она не ожидала, что Цзян Чаншэн будет претендовать на императорскую власть. Белая Гвардия подчинялась непосредственно императору.

— На кого ты нацелился? — осторожно спросила она. — Или ты что-то задумал?

— Я хочу получить трон, — ответил Цзян Чаншэн.

Хуа Цзяньсинь побледнела и тихо произнесла:

— Мастер Дао, трон — это не та вещь, которую можно получить, просто убив императора. Для этого нужна поддержка чиновников и военных. Тебе нужно заручиться поддержкой знатных семей.

Каким бы могущественным ни был Храм Лунци, Цзян Чаншэн был всего лишь даосским жрецом.

Какое право имел даосский жрец претендовать на власть в стране?

Полагаться на этих даосских жрецов?

— Я не хочу быть императором, — улыбнулся Цзян Чаншэн. — Я хочу культивировать, но я

могу сделать так, чтобы императором стал мой сын. Ты знаешь, кто я на самом деле?

Хуа Цзяньсинь покачала головой, чувствуя себя ещё более растерянной.

— Как ты думаешь, Его Величество приходил сюда только ради моих пилюль? — с хитрой улыбкой спросил Цзян Чаншэн. — Если бы это было так, то зачем ему рекомендовать Четвёртого принца, чтобы тот наладил со мной контакт?

За долгие годы общения с ней Цзян Чаншэн понял, что Хуа Цзяньсинь не замышляет ничего плохого, и ей можно доверять. Он решил раскрыть ей правду и привлечь её на свою сторону, чтобы в будущем она помогла его сыну.

Хуа Цзяньсинь нахмурилась, погрузившись в раздумья. Внезапно её осенило, и лицо её резко изменилось.

— Четвёртый принц и наследный принц — оба сыновья Императрицы, — произнесла она. — Когда-то Императрица сошла с ума и говорила, что наследный принц не её сын. Неужели...

— Всё верно, — спокойно подтвердил Цзян Чаншэн, — я и есть настоящий наследный принц. Скажи, есть ли у меня право претендовать на трон?

Хуа Цзяньсинь была потрясена. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Цзян Чаншэн рассказал ей о своём детстве и о том, что ему было известно, и Хуа Цзяньсинь слушала его с открытым ртом. Она знала, что в императорской семье всё сложно, но не до такой же степени! Это было просто невероятно.

Она была возмущена, узнав, что пришлось пережить Цзян Чаншэну. Он должен был стать наследным принцем, но вместо этого стал простым смертным.

— Я слышала о Башне Дракона Махаяны, — нахмурившись, произнесла Хуа Цзяньсинь. — Это священное место, где на протяжении тысячелетий культивируют боевые искусства. Говорят, что найти эту башню практически невозможно. В мире боевых искусств о ней ходят лишь смутные легенды. Я и не подозревала, что она действительно существует и что она контролирует императорскую власть...

— Вот почему я хочу воспитать такого императора, который не будет марионеткой в руках каких-то могущественных сил, — тихо произнёс Цзян Чаншэн. — Я хочу, чтобы императором стал добродетельный мудрец, который будет заботиться о своём народе. Он не только сможет сражаться за меня, но и принесёт мир и процветание всему миру. Цзяньсинь, ты поможешь мне?

Хуа Цзяньсинь вспомнила злое лицо евнуха Ли в ту ночь, когда он стоял перед воротами

дворца, и её сердце загорелось гневом. Она вдруг почувствовала, будто на её плечи легла важная миссия, словно она была учёным мужем, готовым умереть за своего друга.

— Мастер Дао, ты спас мне жизнь, — ответила она. — Я помогу тебе!

— Хорошо, — кивнул Цзян Чаншэн. — Благодарю тебя, Цзяньсинь. Но знай, что об этом не знает никто, даже Император.

— Я пойду за тобой в огонь и в воду, мастер!

— Я не позволю тебе умереть.

— Да... но мастер, а у тебя есть сын?

Сказав эти слова, Хуа Цзяньсинь покраснела и поспешила сменить тему.

— Ах да, точно, — произнёс Цзян Чаншэн с озадаченным видом. — Я и сам не знаю, когда у меня появится сын. Так что все эти годы усердно тренируйся и жди, когда я обзаведусь наследником.

Услышав это, Хуа Цзяньсинь почувствовала себя неловко и не смогла сдержать любопытства:

— У тебя уже есть жена или наложницы?

— Конечно, нет. Я всё ещё ищу ту единственную.

— Тогда... может быть, я подойду? — стиснув зубы, спросила Хуа Цзяньсинь.

Цзян Чаншэн удивлённо посмотрел на неё, отчего она покраснела ещё сильнее.

На самом деле, Хуа Цзяньсинь уже давно питал нежные чувства к Цзян Чаншэну. Как она могла не влюбиться в такого сильного и красивого юношу, который к тому же спас ей жизнь?

Однако она была в неоплатном долгу перед Цзян Чаншэном и не смела даже подумать о чём-то большем. Но теперь, когда Цзян Чаншэн заговорил о сыне, она вдруг почувствовала, что её шанс настал.

Цзян Чаншэн молча оглядел её прелестное личико.

Она была очень красива, так что если она родит ему сына, то мальчик не будет уродом.

Хуа Цзяньсинь опустила голову. Её уши горели, она ужасно смутилась.

* * *

Наступил двадцать второй год со дня основания династии, и пришли холода.

В начале года история о том, как Цзян Чаншэн преодолел Небесную Скорбь, и о необычайном уме Белого Дракона, начала распространяться из столицы по всему миру. С того года в Храм Лунци один за другим стали приходить мастера боевых искусств, чтобы бросить вызов его обитателям. Поначалу Мэн Цюшуан и другие ученики ещё могли дать им отпор. Но когда появились лучшие из лучших, у Цзян Чаншэна не осталось выбора, кроме как выставить против них Хуа Цзяньсинь.

Хоть Хуа Цзяньсинь ещё и не достигла уровня Небесного Прибытия, но она овладела техникой «Нефритовая Игла, Рассекающая Меридианы». Обычные мастера не могли сравниться с ней.

И вот настал день...

Вань Ли прибежал к нему и взволнованно сообщил:

— Старший брат Чаншэн, старший брат Мэн привёл с собой группу мастеров. Они вызывают тебя на бой. Если ты не выйдешь, они убьют Белого Дракона!

<http://tl.rulate.ru/book/90563/4438101>